

lebender Persönlichkeiten den Straßen nicht gegeben werden. Ausnahmen davon sind allerdings gemacht worden. So wurde z. B. anlässlich des 80. Geburtstages des Komponisten Jean Sibelius sein Name einem Park gegeben.

L. A. Pesonen hebt hervor, daß als Straßennamen auch Namen anderer im eigenen Lande befindlicher Städte, Dörfer, Flüsse usw. in Betracht kommen. Frei erfundene Straßennamen müssen aber leicht zu artikulieren und zu schreiben sein. Wegen der großen Nachfrage nach Namen werden auch die Namen von Tieren, Pflanzen, Metallen, Sternen usw. als Straßennamen benutzt.

L. A. Pesonen behandelt auch die sprachliche Form der Namen. Seiner Ansicht nach muß der Name vom Standpunkt der Schriftsprache aus einwandfrei sein. Dialektformen sind unerwünscht. Wenn irgend möglich, muß man Wörter der Gemeinsprache benutzen, die allen Stadtbewohnern bekannt sind. Seiner Ansicht nach muß der Name kurz sein, obwohl diese Forderung nicht immer leicht zu erfüllen ist. In Helsinki gibt es nur 31% kurze, ein- und zweisilbige finnische Straßennamen (die dabei nötigen Grundwörter *-katu*, *-tie* usw. sind hierbei nicht berücksichtigt worden) z. B. *Vyökatu*, *Elontie*. 25% der Straßennamen sind dreisilbig (*Hallituskatu*, *Leipurintie*), 34% sind viersilbig (*Kylävoudinkuja*, *Kiviaidankatu*), rund 10% haben fünf oder mehr Silben

(*Korkeavuorenkatu*, *Kalastajatorpantie*). Von den schwedischen Namen sind dagegen 62% ein- oder zweisilbig und nur 9% haben vier oder mehr Silben. Interessant ist es auch zu erwähnen, daß der kürzeste finnische Straßename ohne Folgekomponente vier Buchstaben (*Kela*) und mit Folgekomponente sechs Buchstaben (*Vuotie*) enthält. Der längste Straßename in Helsinki aber 22 Buchstaben (*Pohjoinen Esplanadikatu*) hat.

L. A. Pesonen schreibt ferner über den Gebrauch des Nominativs und des Genitivs in den Straßennamen, über ihre Rechtschreibung, über ihre Verständlichkeit und Angemessenheit, über die Vermeidung von Verwechslungen der Straßennamen, über ihre Deklination und über die dadurch entstehenden Schwierigkeiten.

Im zweiten Buch über die Straßennamen Helsinkis sind vier Artikel von J. Lehikoinen, O. Terho, E. M. Närhi und L. A. Pesonen veröffentlicht. In diesen Artikeln wird die Entwicklung der Planung Helsinkis und die Tätigkeit des Namensausschusses besprochen und wird nochmals bei der Wahl der Namen und bei ihrer sprachlichen Form verweilt.

Beide Bücher haben ein ausgesprochen praktisches Ziel, doch die in ihnen veröffentlichten neun Artikel sind in geringerem oder größerem Maße für jeden Namensforscher von Interesse.

JAAK SIMM (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1981.4.10>

Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесыольский диалект коми языка. Под редакцией Т. И. Жилиной, Москва, «Наука», 1980 (Академия наук СССР. Коми филиал. Институт языка, литературы и истории). 224 с.

Пермская диалектология пополнилась монографией по одному из основных диалектов коми языка. С методической точки зрения работа не отличается от аналогичных исследований: она представляет собой описание без исторических экскурсов и экспериментальных данных, с минимальным привлечением сравнительного материала по другим коми диалектам. Фактический материал работы собран сотрудниками Коми филиала АН СССР. Структура ее традиционна: Введение, Фонетика,

Морфология, Словарь, Тексты. Работа снабжена картой ареала среднесыольского диалекта.

Среднесыольский диалект распространен по среднему течению р. Сысолы, левого притока Вычегды — от с. Пажга до с. Палауз. На юге его ареал граничит с ареалами лузско-летского и верхнесыольского диалектов, с которыми он имеет много общих черт. На севере он примыкает к присыктывкарскому диалекту. Говор с. Лозым, расположенный

между этими основными диалектами, носит переходный характер. Таким образом, в бассейне Сысолы (протяженность 487 км) разместились три (верхнесыольский, среднесыольский и присыктывкарский) диалекта. Территория описываемого диалекта в археологическом плане изучена слабо. Отсутствуют и более ранние исторические документы. Однако есть основания считать бассейн средней Сысолы издревле заселенным коми племенами, которые поддерживали тесную связь с Прикамьем.

Небольшое введение (с. 3—6) содержит краткие сведения об изучении среднесыольского диалекта. Из дореволюционных работ авторы упустили из виду собрания текстов Ю. Вихмана, записанных в 1901—1902 гг. в селах Визинга и Куниб¹, и Д. Фокоша-Фукса, собранных летом 1911 г. в селах Визинга и Вотча (Чумансикт)². Утверждение, что в 1920-е годы «по результатам исследования среднесыольского диалекта была лишь опубликована небольшая статья А. А. Чеусовой» (правильно, Е. А. Чеусова — А. Т.), нуждается в уточнении. Вышедший в 1924 г. словарь Н. А. Шахова, фактически диалектологический, включает более 20 слов с пометой *сс.*³

В разделе «Фонетика» (с. 7—28) характеризуется фонемный состав описываемого диалекта, аналогичный таковому литературного языка. Среднесыольский диалект относится к эловому типу. В отличие от вэ-эловых и нуль-эловых диалектов здесь л — более сильно артикулирующая дорсально-зубная фонема.

Звук л сохраняется как в середине, так и в конце слова: *сылдны* 'растопить', *кодзул* 'звезда'. Звук в в вышеуказанных положениях употребляется в следующих случаях: а) в изобразительных словах: *с'ув-с'ав пышйыны* 'убежать, разбежаться в разные стороны', *шувгыны* 'шуметь, бушевать', б) в некоторых русских заимствованиях: *лукав* 'лукавый', но *ласкол* 'ласковый', в) в словах, образованных при помощи суффиксов *-ов-*, *-оват-*: *ул'ов*, *ул'оват* 'сыроватый', г) в словах с суффиксом *-улов* (обозначающих множество каких-л. предметов): *томулов* 'молодежь', д) в сложных словах *куна* 'шелок', *тавун* 'сегодня', *зарава* 'березовый сок'. Последний вряд ли можно считать закономерностью, так как в указанных сложных словах вторая часть начинается с в. Как

известно, в описываемом диалекте в в начале слова не переходит в л или, наоборот, л > в. В слове *тавун* в возник из л: *та-лун* букв. 'этот день'. Слово *зарава* не считается сложным, ср. доперм. **sšrvš* 'сладкий напиток' (КЭСК 104).

К устойчивым фонетическим явлениям следует отнести выпадение конечного л перед личным суффиксом первого прошедшего времени: *вис'таи* (лит. *висьтали*) 'я сказал', *тэ лэчин* (лит. *лэчылін*) 'ты спускался'. Данное явление распространяется и на деепричастие на *-иг*: *т'эр кыскаигдн* (лит. *кер кыскалігдн*) 'во время возки бревен'.

В описываемом диалекте в связи с *т' ~ йт*, *д' ~ йд* в конце корневой морфемы, как и в верхнесыольском диалекте, а также в коми-пермяцком языке, преимущественно употребляются *д'* и *т'*: *бад'* 'ива', *гад'* 'пузырь', *кват'* 'шесть', *нут'* 'тина'.

В сочетаниях фрикативных *ш*, *с*, *с'* со взрывным *т* последний в середине и конце слова регулярно выпадает: *кэрыш* (лит. *керышт*) 'поруби', *прѳс вом* (лит. *прѳст вом*) 'пустомеля', *эн л'акѳс'* (лит. *эн лякѳсьт*) 'не пачкай'. Данное явление распространяется и на заимствования из русского языка: *вѳлѳс'* 'волость', *гѳсударсво* 'государство'.

Перед *д*, *к*, *л*, *н*, *т* происходит дезаффрикатизация, т. е. вместо аффрикат *дз*, *дж*, *тш*, *ч* произносятся фрикативные звуки *з'*, *ж*, *ш*, *с'*: *кодз'лавны* (лит. *кодзлавны*) 'сверкать глазами', *ѳтыждѳс'* (лит. *ѳтыджтаѳсь*) 'одинаковы по величине', *н'эшкины* (лит. *нетикшыны*) 'рвать', *пурт лэс'тыны* (лит. *лэчтыны*) 'поточить нож'.

На с. 27 утверждается, что «в русских заимствованиях в начале слова встречаются сочетания согласных, возникшие по аналогии», например, *струба* (лит. *труба*) 'труба'. Здесь отражена характерная черта коми диалектов — перед губно-зубными *б*, *п*, *т*, *д* появление протетического согласного *с*: вс. вым. лл.

¹ Syrjänische Volksdichtung. Gesammelt und herausgegeben von Yrjö Wichmann, Helsinki 1916, с. 124—134, 168—171, 183—185, 246—250 (MSFOu XXXVIII).

² D. Fokos, Zürjén népköltészeti mutatóványok. NyK XLI 1911—12, с. 275—309, 456—475.

³ Н. А. Шахов, Краткий коми-русский словарь, Устьсыольск 1924.

нв. сс. уд. *струба* (лит. *труба*) 'труба', печ. *сбаситны* (лит. *баситны*) 'украшать' (ССКЗД 18, 378).

В разделе «Морфология» (с. 29—61) рассматривается каждая часть речи. Описание сопровождается многочисленными иллюстрациями: примерами, схемами, парадигмами склонений и спряжений. Отклонения от норм литературного языка в области морфологии обусловлены фонетическими особенностями диалекта.

В среднесысольском диалекте существительное имеет два числа: единственное и множественное. Как и в литературном языке, признаком множественного числа является суффикс *-йас* (лит. *яс*): *бс'ин* 'окно' — *бс'инйас* 'окна'. Как и в верхнесысольском диалекте, в определенно-притяжательном склонении в изучаемых говорах, за исключением говоров сел Иб и Пажга, в суффиксе множественного числа *-йас* во 2 и 3 л. выпадает *-с*: *бс'инйайд* 'окна-то', *т'эркайаыс* 'дома-то'.

Обстоятельно описаны значения и функции падежей. Из 17 падежей 16 совпадают с соответствующими падежами литературного языка. Как в верхнесысольском, лузско-летском диалектах и коми-пермяцком языке, в говорах рассматриваемого диалекта имеется дополнительный сравнительный падеж на *-с'а*: *Ас мус'а гажга мэстаыд абы* 'Нет мест красивей, лучше своей родины'. Употребляется существительное со сложными (двумя) падежными показателями: *Мэ во(й)и йбллас'ыд* 'Я уже ходила за молоком' (*-ла* и *-с'* — окончания достигательного и исходного падежей).

Подробно изложено словообразование имен, выявлен целый ряд специфических словообразовательных суффиксов, например, *-бб(-эб)*: *виз'бб* 'линия, полоса', *жэл'эб* 'тонкая щепка', *-на*: *гыжна* 'царапина'. К сожалению, эта часть работы выполнена несколько небрежно. Так, на с. 35 в словах *пыдна*, *пыдта* 'глубина' следует выделить суффиксы *-на*, *-та*, а не *-а*, так как корень слова *пыд-* (КЭСК 235).

Вызывает недоумение, почему авторы *пыжийан* 'сверло', *час'сан* 'разливательная ложка', *гуйан* 'лунка' считают дестимологическими словами. Этимология *пыжийан* приводится в КЭСК; сс. *чась* 'уповальник, разливательная ложка' (ССКЗД 98) является древнерусским заимствованием, зафиксированным уже памятниками древне-

пермской письменности в форме *ч'ас'* 'чаша', *-ан* — уменьшительный суффикс. Слово *гуйан* образовано от глагола *гудыйны* 'ковырять, колупать, копать, рыть' при помощи суффикса *-ан*.

На с. 36 слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-о* (*-э*): *тин'о*, *тон'о* 'колокольчик', *чикбн'о* 'бумажная птица' следует объединить со словами с теми же суффиксами на с. 38: *кэжб* 'рученька', *н'ан'э* 'хлебушко'.

Следует отметить, что авторы слишком увлекаются суффиксами и находят их даже там, где они явно отсутствуют. В *мөтыр* 'таган' нет суффикса *-ыр*, так как это слово заимствовано из русского языка, ср. арх. *мотырь* 'вбитый наклонно над очагом кол для подвески котелка' (КЭСК 177). Нет суффикса *-ыш* в *тод-мыш* 'верхняя часть спины'. Это слово сложное. Первый компонент *тод-* известен в глаголе *тодмавын* 'гнать в шею, выпроводить' (КЭСК 280), *-мыш* имеет собственное значение — 'спина'. В словах *вирич* 'рассадник', *лабыч* 'залавок, поставец', *порэч* 'палка, метла, которые ставятся в дверях наискось (показатель, что никого нет дома)' авторы находят псевдосуффиксы *-ич* (*-ыч*), *-эч*; эти слова — русские заимствования, ср. влгд. *вырец* 'рассадник', *лавица* 'доска на ножках, или доска концами в стенку, для сидения' (КЭСК 57, 156), арх. *порица* 'подпора, подставка, искосина, стрела' (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV, Москва 1955; далее — Даль).

В словах *гөгин'* 'повивальная бабка' и *чожин'* 'тетя, жена брата матери' компонент *-ин'* — также не суффикс, а самостоятельное слово со значением 'мать, жена, женщина, самка'; *гөж-ин'* букв. 'пуп — женщина', *чож-ин'* букв. 'жена дяди по матери'. То же можно сказать о *лук кокол'* 'одна луковица из гнезда', *какол'* 'картошка', где выделяется псевдосуффикс *-ол'*. Это сложные слова, в которых компонент *кол'* 'плоды, балабошки (картофель)' встречается в среднесысольском диалекте (ССКЗД 223): *ка-кол'* букв. 'плоды, клубни картофеля'.

На наш взгляд, спорно выделение каких-либо суффиксов в словах с невыявленными этимологиями: *дарга* 'пескарь' (КЭСК 87), *мөгыль* 'сумочка для хранения огнива, кремня и трута' (КЭСК 173), *ониш* 'сонливость' (КЭСК 205).

В таком же стиле описаны словообразовательные модели прилагательного. На с. 39 в слове *пӱрыс* суффикс *-ыс* не выделяется (КЭСК 229). Слово *кодӱк* 'ходкий' — русское заимствование, ср. *ходок* 'кто много, хорошо, быстро или охотно ходит, легкий на-ногу, неутомимый на ходу' (Даль IV 556). Этимология *азым* 'неприхотливый в еде' неизвестна (КЭСК 30), поэтому вряд ли правомерно отделять суффикс *-ым*. Слова *тӱлктӱм* 'бестолковый' (с. 39) и *умтӱм морт* 'бестолковый человек' (с. 40) следует объединить, так как не только по образованию, но и по значению они одинаковы.

В образовании числительных заметных отличий от литературного языка нет. Наряду с формами *кыз* '20', *комын* '30', *н'эл'амын* '40', *вэтымын* '50', *кват'ымын* '60' в селах Куратово и Палауз бытуют *кумдас* букв. 'три десятка', *н'ол'дас* 'четыре десятка', *виддас* 'пять десятков', *кват'дас* 'шесть десятков'. Это сближает описываемый диалект с верхнесельским и лузско-летским, а также с коми-пермяцким языком. В употреблении числительных ощущается заметное влияние русского языка: *Пӱшт'и двэст'и шайт бост'тӱ* 'Получает почти двести рублей'.

В описываемых говорах сел Иб, Вотча, Межадор, Чухлом местоимения первых двух лиц множественного числа именительного падежа имеют суффикс *-ӱ(э)*: *мийӱ, мийӱэ* 'мы', *тийӱ, тийӱэ* 'вы', а в 3 л. множественного числа *-йас*: *наййас, сийӱдас* 'они'.

Удачно составлены таблицы склонений личных и усилительно-личных местоимений, из которых видно, что падежные формы местного, исходного, вступительного, переходного, предельного падежей малоупотребительны. Они заменяются посложными конструкциями: *миан ордын* 'у нас', *тэ бӱрын* 'после тебя', *найӱ ордӱдэ* 'до них'.

Раздел «Глагол» написан на богатом фактическом материале. Признаком инфинитива в среднесельском диалекте, как и в литературном языке, является суффикс *-ны(-ыны)*, в говоре с. Вотча встречается и *-нӱ*: *изнӱ вэтли* 'молоть ездила'. Этот факт сближает описываемый диалект с нижевычегодским диалектом.

Инфинитив в описываемом диалекте имеет определенно-притяжательную форму, которая образуется посредством суффиксов *-ӱ, -тӱ, -с, -сӱ*: *Иакс'эргтӱ кузол*

тырад кӱт 'вот, да кискынд он вэрмы' 'Волнушек хоть полный кузов набери, да ташить не сможешь', *Вотасы таво н'эм эз ло вотнытӱ* 'В этом году так мало ягод, что и собирать нечего', *Н'эжытчӱ и шогсӱ пал'ӱднысӱ мунны* 'И некуда ведь идти-то со своим горем', *Пал'тосӱ н'эмӱн н'ӱбныыс* 'Пальто не на что купить'.

В ряде говоров диалекта перед личным суффиксом первого прошедшего времени единственного и множественного числа во всех трех лицах выпадает конечный звук основы *-л* и вместо него иногда появляется *-й*: *Иайсӱ кодӱс вуза(й)им, кодӱс сола(й)им* 'Мясо частично продали, частично засолили'.

О глагольном словообразовании коми языка написаны две крупные работы.⁴ Все суффиксы, описанные в диалекте, уже служили предметом исследования. Естественно, это должно было бы облегчить задачу авторов. К сожалению, данная часть работы подана несколько бессистемно. Отсутствуют классификации суффиксов (простых и сложных), т. е. суффиксальных комбинаций, не указаны значения заимствованных суффиксов *-уйт-, -айт-, -ит-*, а также *-т-, -д-, -й-*. У группы суффиксов *-с', -ас'(-йас')*, *-ч-* не только не указаны значения, но и отсутствует иллюстративный материал.

Авторы выделяют «наиболее распространенные суффиксы» *-ыш-, -алл-, -л-, -ыл-, -ӱд-, -лал-, -ӱдл-*, примеры же указывают на суффиксальные комбинации: *-м + ыш-* (*зурам-м-ыш-ны* 'крепнуть'), *-ал + л-* (*пыр-ал-л-ыны* 'захаживать'), *-л(ы) + с'* (*рот-лы-с'-ны* 'чинить, латать (напр. платье)'), *-с' + ӱд-* (*онмӱс'-с'-ӱдны* 'понудить, заставить уснуть'), *-ла + л-* (*пыр-ла-л-ны* 'шататься') *-ӱд + л-* (*гыркй-ӱд-л-ыны-с'ылны* 'петь легко, без усилий').

Наречия в среднесельском диалекте по своему значению делятся на пять групп. Приведены наиболее распространенные суффиксы наречий. Многие наречия заимствованы из русского языка или образованы от корней русских слов.

⁴ М. Kneisl, Die Verbalbildung im Sydjänischen, München 1978 (Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München herausgegeben von G. Ganschow. Serie C, Band 9); В. А. Черных, Глагольное словообразование в коми языке, Сыктывкар 1980 (канд. дисс., рукопись).

Послелогии, частицы, союзы рассматриваются под общим заголовком «Служебные слова», в описываемом диалекте в основном выступают те же, что и в литературном языке.

Авторами зафиксирована диалектная лексика. «Словарь» (с. 62—211) включает около 4500 слов и выражений. Все слова даны в принятой в коми диалектологии транскрипции и паспортизированы. Утверждение, что «общие для всех коми диалектов слова не нашли отражения в словаре», не соответствует действительности. При беглом ознакомлении со словарем нами выявлено более 50 слов общекоми литературного языка, которые отражены в «Коми-русском словаре» (Москва 1961) без пометы *диал.*: *аз'лас* 'острога', *аскур* 'самогон', *бива кёрт* 'огниво', *вёркан* 'рысь', *вэтки* 'маленькая долбленая лодочка', *йорт* 'товарищ', *кампэт* 'конфета, конфеты', *мусаммыны* 'влюбиться', *октас* 'охотничьи уголья с силками и ловушками', *сукман* 'сермяга, зипун', *тшамйя* 'кладовая при охотничьей избушке (на стойках)' и т. д. При составлении «Словаря», вероятно, авторам нужно было учесть, что на среднесольском диалекте творил первый коми поэт И. А. Куратов, который активизировал 203 диалектных слова.⁵

В конце монографии даны «Тексты» (с. 212—223), представляющие собой приметы, загадки, отдельные выражения, пословицы, поговорки. В отличие от предыдущих монографий здесь отсутствуют собственно диалектные тексты, как-то бытовые рассказы, воспоминания о прежней жизни, песни, легенды, предания и т. п. Однако несмотря на значительное количество опубликованных текстов по разным

коми диалектам, такого рода материал составляет большую ценность. Большинство изданных диалектологических монографий имеет тот недостаток, что в них главным образом включается исконная диалектная лексика, а новейшие заимствования, особенно из современного русского языка, остаются в стороне. В этом смысле особо ценны непосредственно диалектные тексты, которые содержат материал, обычно не подвергающийся обобщению в диалектологических исследованиях из-за своей редкости и архаичности или, наоборот, из-за новизны и непривычности. Именно таких текстов порой не хватает в монографических описаниях диалектов.

Особо следует остановиться на сносках. Источники при описании диалекта использованы минимально. На них есть всего 16 сносок, причем в шести вкратились неточности или ошибки. Так, в сносках 4 и 5 правильное название источников: «Сотная с писцовых книг 1586 г. И. Г. Огарева и подъячего Ф. Юрьева на Сысольскую волость...» и «Акты времени правления царя Василия Шуйского...». В сносках 6, 10 и 13 в названиях источников допущены неточности: «Зырянско-русский и русско-зырянский словарь, составленный Павлом Саввантовым», «Г. С. Лыткин. Русско-зырянский словарь...», «Т. И. Жилина, В. А. Сорвачева, Образцы коми-зырянской речи...». На с. 7 в сноске 1 пропущен год издания (1964).

Несмотря на отмеченные недостатки, монография представляет собой интересное исследование, непосредственная ценность которого определяется, в первую очередь, сбором, систематизацией и введением в научный оборот нового обширного материала по одному из основных коми-зырянских диалектов.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

⁵ Л. М. Безносикова, Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка, Тарту 1977, с. 6 (автореферат канд. дисс.).